

ІСТОРИЯ ТА ТЕОРІЯ АРХІТЕКТУРИ

В.В. ЧЕПЕЛИК, канд. архіт., професор
Київський національний університет будівництва та архітектури

МОДЕРН В АРХІТЕКТУРІ кінця XIX – початку XX століть**ФРАГМЕНТ АУДИОЗАПИСУ ЛЕКЦІЇ (ЧАСТИНА ДРУГА)**

Текст, що пропонується, є вступом до лекції, читаної проф. Віктором Васильовичем Чепеликом 6-9 березня 1996 р. студентам 5 курсу архітектурного факультету КІБІ. Це був 10 рік викладання В.В. Чепеликом предмета "Історія сучасної архітектури. Сучасна зарубіжна архітектура (сер.XIX-к.XX ст.)". Курс лекцій включав теми: "Раціоналізм в архітектурі XIX ст." (2 лекції), "Модерн в архітектурі к.XIX-поч.XX ст. (1894-1914)" (2 лекції), "Раціоналізм в архітектурі поч. XX ст.", "Експресіонізм в архітектурі поч. XX ст. (1900-1925)", "Функціоналізм в Європейській архітектурі 1920-поч. 30-х рр", "Архітектура традиціоналізму в Європі та США в 1920-1930 рр", "Архітектура повоєнного часу (1945-65 рр)", "Постмодернізм в архітектурі 1965-1990 рр." Модерну присвячені були лекції такої структури: 1-а лекція: 1.Характеристика епохи; 2.Особливості архітектури модерну; 3.Модерн в Бельгії і Франції (Ар-Нуво); 4.Модерн в Голландії та Англії (Модерн). 2-а лекція: 5.Модерн в Голландії (П.Берлаге); 6.Модерн в Англії (Г.Летабі, Ч.-Р.Макінтош, В.Таундсен); 7.Сецесія в Австроугорщині (О.Вагнер, Й.Хофман); 8. Югендстиль в Німеччині (А.Мессель, А.Ендель, Г.Рімершміт); 9.Модерн в Іспанії (А.Гауді). Ми подаємо вступну частину до другої з лекцій, присвячених архітектурі модерну.

Як завжди, при переповненій аудиторії, привітавши (рідною мовою) дівчат з 8 березня, Віктор Васильович дав чудову лекцію, яку слухали, конспектували, і навіть, без відома лектора, записали через диктофон на плівку. Я добре пам'ятаю цю лекцію, оскільки рештки святкового настрою і одна з улюблених тем запалили Віктора Васильовича настроєм, що передавався аудиторії. Поза тим, модерн – тема, що є завжди найпривабливішою і магічно притягуючою студентство, її і складна і дуже чітка, структурована подача Віктором Васильовичем, що завжди залишала ясну картину після лекції, насичена, образна, весела, лекція летіла, як завжди, але не за одну себе можу сказати, що власне не піднімала голови, намагаючись писати осмислено і дослівно. Лише згодом, отримавши запис, і, звіряючись за ним, зрозуміла, що конспект мій є лише приблизною фіксацією 1/6 поданого матеріалу. При цьому, звертаючись до лекції зараз, розумію, що в тодішньому, студентському, сприйнятті, в конспект не осідало і половини дійсно цікавих тем та ідей, апеляцій і паралелей, які тоді просто проходили повз повноцінне розуміння. Ми, щасливі власники досвіду лекцій шановного метра, можемо запросити на цю лекцію випускників інших поколінь, минулих і майбутніх, взагалі всіх, кому існуючої літератури здається замало (а вона здається таки недостатньою не лише професіоналам, але, як постійно доводиться чути, і студентам).

Наукові інтереси, як і сфера викладання В.В. Чепелика, були дійсно неосяжно широкими і при тому щоразу академічно-грунтовні, не поверхові. Його лекції, якщо дозволити собі аналіз, давали те, чого дійсно потребують неофіти (тобто студенти, які лише прийшли в світ культури та архітектури). Це не був популізм, хизування перед собою і відсутніми на лекціях колегами. Віктор Васильович зводив фундамент, міцні підвалини знання, зводив, а не ламав те,

що ще навіть не устоялось. “Противоречь!” мало виникнути колись згодом. Він готував інтелектуальне поле, на якому в подальшому, якщо розвиток відбудеться, виросте сумнів, і здогад, і потім згода зі своїм Учителем і нова своя правда.

Віктор Васильович володів знаннями з історії архітектури усіх періодів і країн. Він всім цікавився і вмів навчити розуміти, цікавитись і любити красу історії і сучасності. Невідмінність класичних культур і гостре зацікавлення сучасними архітектурними формами, вміння розуміти і приймати і те, і те, причому не толерантно-спокійно, а неспокійно-зацікавлено. Модерн, особливо його український прояв, дослідженню якого він присвятив, власне, своє наукове життя, був йому ніби подвоєно-рідним, бо рідне-минуле і довершено-сучасне злились у цьому явищі. Запам'яталось, що в курсі “Сучасної західної архітектури” Віктор Васильович неодноразово наполягав на фатальній діалектичності архітектурного процесу сучасності: він малював шкалу, по одному боці якої розміщував стилі раціонального мислення і архітектури, по інший бік – “ірраціонально-романтичні” стилі. І так виходило, що вони витримували строгу черговість: з одного боку, - з другого... І хоча якість лекції щоразу залежить багато в чому від будь-якої випадковості, особистих обставин диригента-лектора, але все ж було цілком помітно, що Віктору Васильовичу були ближчі, цікавіші “ірраціональні” течії та стилі. Тому при однаковій скрупульозній подачі він, а за ним і ми, щоразу оживали через тему. І хоча вже перша лекція курсу, присвячена раціоналізму XIX ст., вразила шквалом нових осмислень явищ, наступна лекція з модерну її без сумніву перевершила.

Зараз за допомогою ректорату готується видання посмертної монографії В.В. Чепелика “Український архітектурний модерн” (упорядник – З.В. Мойсеєнко-Чепелик), і редколегія збірника розглядає цю публікацію як своєрідний анонс майбутньої книги. Дозволимо собі поінформувати, що книга включатиме такі розділи, як “Український архітектурний модерн у дзеркалі епохи”, “Регіональні центри і мистецькі школи формування УАМ”, “Композиція і морфологія УАМ” та ін.

Текст максимально наближено до мовно-філологічних та дикторських особливостей усної подачі матеріалу.

Олена Горбик (упорядник)

Наша тема продолжает изучение архитектуры модерна как одного из важнейших направлений развития архитектуры XX века. Причем, в разных странах модерн получает различные названия, и эти названия в какой-то мере не случайно разные, потому что в модерне выявились тенденция, объединяющая разные страны, о чем мы в прошлый раз говорили, и выявляется тенденция, так сказать, индивидуализации этого явления в каждой стране. И непосредственно в каждой стране происходит персонализация модерна, потому что каждый из авторов вносил какие-то свои черты в архитектуру модерна, и не всегда эти черты были абсолютно аналогичными и в трактовке архитекторов, и в различных архитектурных движениях в разных странах. Они иногда были близкими, а иногда и довольно далеко расходились в своих поисках. Это чрезвычайно важный момент, на который нужно обратить внимание.

Еще одним моментом, на который я хочу обратить Ваше внимание, это то, что в модерне, как бы в зародыше, существовало то, что связано в нашем представлении с этим понятием, – модерн; но существовал и целый ряд других явлений, которые потом будут развиваться и превратятся в почти самостоятельные течения. Я не хочу произносить слово «стиль», хотя к модерну «стиль» относится, безусловно, как обязательная атрибутика этого явления в архитектуре XX века, но другие течения, – они действительно вырастают из модерна. И в этой части мы отмечали уже, что модерн имеет несколько таких внутренних течений, которые, самостоятельно дальше развиваясь, превратятся в отдельные течения стилевого порядка. Мы говорили о модерне декоративном, он характерен не для всех стран, но почти в каждой стране примеры декоративного модерна есть, больше или меньше. Мы говорили о модерне, который получает проявления конструктивные, рационалистические. И вот этот модерн тоже имеет место во многих странах – в той же Голландии или в Англии он получает свое развитие и утверждение, причем почти с самого начала. Мы говорим о модерне, который будет иметь в себе черты экспрессивности. Вот, проявление экспрессивного модерна как одного из важных явлений, который отличается не только чертами, роднящими его с декоративным модерном, а отличается своим мышлением, своим пониманием формы, формы, ориентированной в какой-то мере не столько на декоративную сторону, сколько на создание объемов, пространств, решенных на высшем уровне романтической трактовки. Это необычайно интересное явление, особенно сильно оно проявляется в Испании, где, может быть, один-единственный мастер, но совершенно гениальный мастер, внес колоссальный вклад в формирование модерна и по сути заложил основы будущего развития экспрессионизма. Это увидим дальше. Экспрессионизм будет развиваться в ряде стран, в том числе в Германии, где ранние произведения такого немецкого мастера, как Ганс Пельциг, тоже относятся к явлению модерна, но содержат в себе черты некоторой экспрессивности, а дальше это превратится в экспрессионизм. Ну, и наконец, последнее направление, о котором я говорил, - это национальное проявление в архитектуре модерна, потому что модерн оказался явлением не только интернациональным, но и глубоко национальным в определенных странах. Например в Англии. Там развивались свои тенденции, которые продолжали традиции народной архитектуры. И вот в творчестве такого мастера, как Чарлз Рени Макинтош, это действительно получает отражение достаточно сильное, причем, не столько в мире форм архитектуры, сколько в выявлении философского осмысления в целом архитектурных, объемов, пространств, даже сдержанности, которая характерна для английского характера, вот она здесь проявилась, в этих объектах. Или мы могли бы говорить об архитектуре Германии, где в ряде случаев, особенно в небольших поселках, тоже черты национальных традиций, национальных особенностей получают развитие. А особенно модерн в архитектуре таких стран, периферийных для Европы, как

северные страны - Швеция, Норвегия, Финляндия. Там модерн преимущественно получил вот такую национальную окраску, также как, предположим, в Литве или в Латвии. Мы уже знаем, что на Украине эти вариации в архитектуре модерна имеют место. Мы могли бы говорить об этом в архитектуре Словакии, где Длугаш Юркович создал целый ряд интересных произведений, решенных в модерне, но трактованных в национальном плане. Немножко меньше это проявилось в произведениях чешских архитекторов, где модерн представлен чрезвычайно интересными работами... Я не могу просто все страны охватить. Так, например, Ян Котера, один из мастеров, на наш взгляд, входящих в первую десятку европейского модерна, или там Йозеф Мария Ольбрих, или Карел Яначек, - они дали как раз очень интересные произведения чешского модерна, от декоративного до национально-романтического и до так называемого чешского кубизма, который был одним из вариантов, по сути, экспрессионизма в архитектуре 1910-х годов.

Ну, я вот так обрисовал всю Европу, по сути мы видим, что в тех странах, где действительно активно шла борьба за национальную независимость, освобождение, самоутверждение, чаще всего модерн получал вот такую национальную окраску. Среди таких стран мы видели те, которые я назвал, но это никак не умаляет вклада ведущих стран Европы, которые творчеством своих крупнейших мастеров захватили все остальные страны в свою орбиту, и этот процесс формирует европейскую архитектуру модерна. Он оказывается весьма значительным и мы только в конце XX века можем осознать его истинное величие, его силу, его красоту и притягательность, потому что почти каждое десятилетие, я имею в виду последние 30 лет, и, если мы возьмем (особенно) последние 10 лет, то чуть ли не каждый год появляется монография, посвященная модерну. Причем все время находятся авторы, которые изучают модерн не только своей страны, но обращают внимание на развитие этого стиля в соседних странах, рассматривая модерн как великое целостное явление перехода от архитектуры прежних времен к архитектуре XX века. Вот это, пожалуй, свидетельствует о непреходящем значении модерна.

Я этот дифирамб в честь модерна произношу не потому, что занимался этим явлением больше, чем каким-либо другим, но потому, что он действительно того достоин. Мы видим и его противоречия и его достоинства, и то, что он смог оплодотворить целый ряд архитектур национальных, и то, что он смог выявить свою красоту через каких-то 50-60-70 лет. Я говорю об этом не случайно, потому что, предположим, вот один такой из самых крупных архитекторов XX века Ле Корбюзье, который сам начинал в Швейцарии с первых своих 2-х домиков, сделанных в модерне, а потом стыдливо в своих монографиях он их не признавал. В родном городе Ла Шо Де Фон он выстроил две характерные швейцарские виллы. Но вот что любопытно, после войны, в 1945 году, побывав в Испании и познакомившись с произведениями Антонио Гауди, он скажет: «Ах,

если бы я раньше знал его работы!», они бы, дескать, повлияли на его творчество. И действительно, после того как он познакомился с произведениями Гауди, этого замечательного мастера, который предвещает развитие европейского экспрессионизма, Ле Корбюзье на последнем этапе своего творчества обратится к явлению неоекспрессионизма. Это не будет подражанием, но будет самостоятельным решением, что показывает жизненную силу модерна и возможность его влиять, через другие стилевые явления, которые будут после него, в частности через функционализм, через неофункционализм.

И не случайно, вы знаете, одно из модных направлений современной архитектуры, называется «постмодернизм». Тут слово «модернизм» применяется не в понятии «модерн», но тем не менее модерн незримо присутствует в поисках постмодернизма, хотя они не очень любят это признавать, но все подколы, все решения, которые намечались хотя бы пунктиром в архитектуре модерна, здесь продолжают дальнейшее развитие на новом этапе.

Мы говорим об этом потому, что мы должны видеть в литературе те ограниченные суждения, которые были высказаны об архитектуре модерна где-то в 20-е, в 30-е, 40, 50-е гг., а уже в 60-е гг. начинается открытие модерна, и многие замечательные явления становятся видимыми. И одни за другими начинают открываться глаза, «как мы могли не видеть раньше этих замечательных качеств модерна». (Я это говорю вот почему. Сейчас в продаже есть книжка¹ по архитектуре модерна, она есть на Крещатике в магазине «Мистецтво», и кто ее купит, не потратит деньги зря.)

Мы сейчас должны познакомиться с целым рядом работ, в том числе такого мастера, каким оказался для Голландии Хендрик Питрус Берлаге. Те, кто вообще читает книжки, должны были сразу отреагировать, потому что им знакома фамилия бухгалтера Берлаги, которая была у Ильфа и Петрова в «12 стульях». Но ваша аудитория не реагирует. Всегда обычно шутят при этой фамилии, значит, они читали. Ваш курс, я так полагаю, не читал. Я ничему теперь не удивляюсь, потому что неделю назад в разговоре с аспиранткой, там нужно было некоторые вещи выявлять, и вдруг мы упомянули одного из классиков французской литературы, и не современной, а XIX века, которого немисливо, чтобы не знать его произведений, но она хлопает, и с ресниц сыплется порошок, и она говорит, что никогда ничего не читала. Я об этом говорю, потому что ваше поколение – это телевизионное поколение. Дети телевизора, не столько папы и мамы, сколько телевизора. Если по телевизору не показывали каких-то произведений, то вы и не слышали, и не знаете. Но ничего. Я думаю у вас все впереди, вы это все можете наверстать.

Так вот, Голландия. Голландия расположена рядом с Бельгией. В Бельгии начался модерн, то что мы называем «Ар-нуво». Но Голландия немножко иная по складу страна. Она более суровая, она более германизованна, она не такая

¹ Горюнов В.С., Губли М.П. Архитектура эпохи модерна. – СПб., 1996.

легкомысленная, как Бельгия, потому что на Бельгию активно влияет Франция с ее легкостью характера. И вот о произведении, которое было создано (это единичное произведение) Питруса Хендрика Берлаге, (я не говорю о других его вещах, они менее известны) - Амстердамская фондовая биржа, - это новый тип здания, который сформирован был концом XIX-н.ХХ века, - дает нам пример, в котором архитектор, с одной стороны, во внешности пытается найти такое решение, которое продолжает традиции национальной голландской архитектуры. Достаточно строгой, сдержанной (когда там, в Голландии, были барочные тенденции, то это было более строгое явление, сравнительно с тем, что мы видели в Бельгии). Интерьер является более важной частью в этом здании, а в интерьере, - там появляются прекрасные конструктивные подходы: впервые кирпич в открытом виде в интерьере применяется для отделки такого общественного здания, где есть большой зал, и он отделан кирпичом. И металлические фермы-арки, - фермы открыты, и по-сути, формируют весь потолок, который освещен фонарями.

И вот мы говорим обо всех этих моментах, потому что это утверждение новой эстетики, эстетики модернистической, но такой, которая содержит в себе элементы рационализма, и это чрезвычайно важно, потому что рационализм, рационалистические тенденции становятся одним из достижений модерна. И я подчеркиваю, что у ряда авторов [авторов-теоретиков истории модерна] не акцентирован тот момент, что в модерне рационалистические тенденции имеют место, развиваются и дадут потом, в дальнейшем, свои плоды....